

*А.В. Дроздков***Итоги новой экономической политики
в современной отечественной историографии***A.V. Drozdkov***The Results of the New Economic Policy
in the Modern National Historiography**

Анализируются итоги нэпа в современной отечественной историографии. В центре внимания автора взгляды учёных на проблемы динамики национального дохода, восстановления промышленности и сельского хозяйства. Рассматриваются крах нэпа и экономика России в 1920-е гг. в сравнении с ведущими западными странами.

Ключевые слова: рынок, национальный доход, экономика, крестьяне, сельское хозяйство, промышленность.

За последние годы отечественная историография достигла серьезных успехов в изучении новой экономической политики. Отказ от старых стереотипов, догм «Краткого курса ВКП(б)», обращение к новым, ранее закрытым документам и архивным материалам позволили более объективно, непредвзято рассмотреть такие вопросы, как причины перехода к нэпу, смысл и содержание новой экономической политики, ее реализация в 1920-е гг. и т.д.

Надо отметить, что нэп существовал слишком короткое время для того, чтобы полностью перестроить всю систему хозяйства и управления, сложиться в целостную и всеохватывающую систему. Главное состояло в другом: за столь короткое время нэп доказал практически свою экономическую эффективность.

Известно, что успехи нэпа выразились в относительно быстром восстановлении промышленности, транспорта и сельского хозяйства после Первой мировой и Гражданской войн, в создании работоспособной финансовой системы и уже в заключительные годы нэпа в быстром росте тяжелой промышленности. Наиболее значительным достижением нэпа следует признать насыщение потребительского рынка самыми необходимыми товарами. Другим, не менее важным достижением было то, что вся экономика на пространстве всей России, а позже всего СССР, была вовлечена в процесс восстановления и роста [1, с. 6].

Вместе с тем в современной историографии существует довольно большой разброс мнений об итогах нэпа. Одни авторы делают акцент на слабые стороны экономики нэпа, другие видят в нем созидательное начало в рамках переходного периода.

Учитывая многообразие взглядов на экономическую политику большевиков в 1920-е гг., важно отметить, что изучение итогов нэпа должно строиться на

The article analyzes the results of the New Economic Policy (NEP) in modern Russian historiography. The author focuses his attention on the views of scientists on the problems of the national income dynamics, restoration of industry and agriculture. Crash of the NEP and Russian economy in 1920s are considered in comparison with the leading western countries.

Key words: market, national income, economy, peasants, agriculture, industry.

соответствующей методологической основе. По одним показателям успех очевиден, по другим – значительное отставание. Что взять за основу? В этом плане ближе к истине взгляды И.Б. Орлова. Он предлагает использовать компаративный подход, т.е. проводить сравнение не только с дореволюционным уровнем развития России, но и с уровнем развития стран Запада, а также «... следует определиться: нарастало или сокращалось отставание СССР?» [2, с. 156].

Конкретный анализ итогов нэпа еще только набирает силу, но уже сегодня можно отметить, что большинство авторов видят в неповской экономике динамичные преобразования, свойственные эпохе 20-х гг. Так, В.С. Лельчук доказывает, что «... ретроспективная оценка минувших лет в целом свидетельствовала, что именно на путях нэпа народное хозяйство было успешно восстановлено. С помощью внутренних источников накопления оно переходило на расширенное воспроизводство и в деревне, и в городе» [3].

В качестве доказательства он приводит следующие данные: в 1927 г. по уровню потребления пищевых продуктов высшие рубежи дореволюционной России остались позади. Горожане, например, потребляли в среднем свыше 41 кг мяса (жители деревни – около 23). Население было обеспечено хлебом (приблизительно 180 кг зерна на одного человека в городе и 220 кг в деревне), крупой, молоком, растительным маслом [3, с. 213].

Английский историк Р. Дэвис также делает акцент на определенные успехи нэпа. По его мнению, «советская экономика середины 20-х гг. не зашла в тупик: с одной стороны... та нестабильная рыночная связь между государством и крестьянином, которая характерна для нэпа, была способна поддерживать более высокие уровни индустриализации, чем те,

которые были достигнуты накануне первой мировой войны» [4, с. 32].

Достижения промышленного роста были отмечены в свое время и Н. Бухариным. За период 1922–1927 гг. валовая продажная цена промтоваров в довоенных рублях увеличилась почти в 5 раз и превышала довоенный уровень на 18,5%, а число рабочих в цензовой промышленности возросло с 1 млн 243 тыс. до 2 млн 498 тыс. чел., т.е. почти удвоилось. В 1927 г. имелось 858 электростанций общей мощностью 620 тыс. кВт. За семь лет советского строительства суммарная мощность станций была поднята на 48,5% [5, с. 1].

Однако эти достижения, по мнению М.М. Горина, можно признать лишь в ракурсе того, что только «в рамках нэпа наступил час тяжелой индустрии, но технический уровень значительно отставал от запланированных показателей. Если в 1913 г. рентабельность промышленности составляла 19,7%, а в 1928 г. – всего 10,9%; на железнодорожном транспорте по отношению к основным и оборотным фондам – 8,2 и 2,5% соответственно. В промышленности в 1928 г. создавалось прибыли на 20% меньше, чем до войны, а на железнодорожном транспорте – в 2 раза меньше. Рост основных фондов в промышленности за послереволюционное десятилетие составил не более 10–13%» [6, с. 195].

Как отмечает А.В. Чернышова, рыночные отношения внутри страны формировались в 20-е гг. в условиях недостаточного развития индустрии. Это определяло в значительной степени его основные черты: слабая насыщенность рынка промышленными товарами и большим расхождением (печально известными «ножницами») между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. Что касается деревни, то она во второй половине 20-х гг. получала только 70–80% от той массы промышленных товаров, которые были на рынке в 1913 г. [7, с. 228].

Более подробную характеристику состояния промышленности в период нэпа дает Р. Дэвис. В частности, он отмечает, что основу промышленной экономики в России составляли построенные еще до революции фабрики, шахты, железные дороги, магазины и конторы. До 1925 г. новые промышленные инвестиции не предусматривались. В 1917–1926 гг. основной капитал вновь построенных или капитально отремонтированных предприятий составлял менее 10% общего основного капитала. Производство крупной промышленности особенно быстро восстанавливалось в первой половине 20-х гг. и уже к 1926/27 гг. превышала уровень 1913 г., хотя и не достигла уровня 1916 г. По этим показателям ученые делают вывод, что «можно, видимо, считать, что в целом промышленное производство к 1926/27 гг. достигло уровня 1913 г., а к 1927/28 г. превысило его» [8, с. 42].

С таким выводом не вполне согласен И.Б. Орлов. По его мнению, итогом нэпа стало восстановление народного хозяйства, а не его индустриальное преобразование. В конце 1927 г. СССР находился на начальном этапе индустриализации: в крупной промышленности производилось 20–25% национального дохода. Удельный вес промышленности впервые превысил продукцию сельского хозяйства только в 1930 г. [2, с. 158].

Что касается товарности мелкокрестьянского производства, то большинство авторов отмечают ее падение. Об этом еще в годы нэпа писал Н.Д. Кондратьев [9, с. 87]. По подсчетам М. Левина, до революции крестьяне производили 50% всего зерна (без кулаков и помещиков), а потребляли 60%; теперь (без кулаков) они производили 85%, но потребляли 80%. В 1927/28 г. государственные закупки составили 630 млн пуд. против довоенных 1300, 6 млн. Причем, если количество зерна в распоряжении государства было теперь меньше вдвое, то экспорт его приходилось сократить в 20 (!) раз. Все это оборачивалось настоящим бедствием для экономики страны, поскольку падение хлебного экспорта подрывало возможности импорта промышленного оборудования, блокируя тем самым возможности осуществления масштабных индустриальных программ. «Съедая большую часть своего урожая хлеба... крестьяне, сами того не понимая, затягивали петлю на шее режима, и затягивали все туже, так как ситуация развивалась от плохой к еще худшей» [10, с. 54].

О неуклонном снижении товарности крестьянских хозяйств также доказывает А.С. Синявский. По его мнению, во второй половине 20-х гг. происходил возврат к натуральному хозяйству: по сравнению с довоенным уровнем вдвое сократилась та часть продукции, которая направлялась ими на продажу, самими крестьянами к 1927 г. потреблялось до 85% произведенной продукции. Отсюда делается вывод, что мелкокрестьянское производство не могло обеспечить производство зерна в 1923–1926 гг. даже на дореволюционном уровне [11, с. 11].

А.В. Чернышова делает акцент на колебаниях в темпах роста продукции сельскохозяйственного производства. В период с 1922 по 1927 г. они были значительно выше, чем в дореволюционной России и развитых капиталистических странах, составляя в среднем 10–15% (в довоенной России – 2,7%). В годы нэпа рост объема сельскохозяйственной продукции составлял 36,6%, в 1922/23 г., в 1923/24 г. – 6,5, 1924/25 г. – 2,4, 1925/26 г. – 23,5 и в 1926/27 г. – 7,0%. Наибольшие темпы роста приходятся на второй год нэпа (36,6%), когда после преодоления голода были получены положительные результаты, и на 1925/26 хозяйственный год (23,5%), когда был провозглашен лозунг «Лицом к деревне», а в сельское хозяйство было направлено значительное

количество средств и кадров, произошло увеличение посевных площадей и пр.

Но при достаточно высоких темпах роста сельскохозяйственного производства его товарность была очень низкой и в 1926/27 г. достигла только 77% от уровня 1913 г. Что касается сельскохозяйственного экспорта, то он от довоенного в 1926 г. достиг 24% [7, с. 225].

Почти по всем экспортным статьям в СССР в 20-е гг. наблюдалось отставание от довоенных показателей. Так, Ю.П. Бокарев, проанализировав хлебный экспорт, сомневается в реальности «альтернативы Бухарина». Если в 1913 г. вывоз хлебных культур составили 4647,1 тыс. т, то в 1928 г. – только 89,3 тыс. т. Это самым драматическим образом отразилось на всем обороте внешней торговли, стоимость которого по действовавшим ценам уменьшилась с 2894,2 до 1752,6 млн руб., т.е. на 39%. В золотых же ценах оборот упал на 75,8%. Но если в 1913 г. экспорт превышал импорт на 146,1 млн руб., то в 1928 г. экспорт оказался меньше импорта на 153,6 млн руб., т.е. неповская Россия торговала в долг.

Ставка на экспорт сельскохозяйственной продукции для покупки за рубежом машин и оборудования была невозможна не только из-за низкой товарности мелкокрестьянского производства. Низкая производительность трудового крестьянского хозяйства вела к тому, что стоимость хлебного экспорта была выше запродажных цен, т.е. хлебный экспорт был нерентабельным. Если принять себестоимость пшеницы за 100, то индекс рентабельности пшеницы для Центрально-Черноземной области в довоенное время был равен в среднем 113, а для 1923–1926 гг. – только 78. Из этого Ю.П. Бокарев делает вывод, что сложившаяся ситуация породила неразрешимое противоречие нэпа: чтобы добиться рентабельности экспорта хлебных продуктов, надо было снизить заготовительные цены. Но снижение заготовительных цен было невозможно, так как и существующие цены не обеспечивали рентабельности производства.

В этих условиях проведение кардинальной перестройки народного хозяйства, ослабление рыночных механизмов его регулирования и усиление плановых принципов было единственным выходом из создавшейся кризисной ситуации [12, с. 128].

Но есть и другой показатель – чистый годовой объем сельскохозяйственного производства. Если взять его за основу, то, по подсчетам Р. Дэвиса, он в 1926–1928 гг. был примерно на 3% меньше, чем в 1913 г. С 1913 по 1927 г. население увеличилось на 6,5%, так что объем продукции на душу населения несколько превышал средние показатели 1909–1913 гг. и был на 10% ниже, чем в 1913 г. Изменилась структура сельскохозяйственного производства. В 1926–1928 гг. средние показатели производства мясных и молочных продуктов превышали средние показатели

1909–1913 гг. на 26%, технических культур – на 45%, а картофеля – на 79%. Объем же произведенного зерна, все еще остававшегося важнейшей статьёй в балансе сельскохозяйственного производства, был на 5% (по чистой зерновой продукции – на 22%) меньше средних показателей 1909–1913 гг. [8, с. 32].

К середине 20-х гг. произошло восстановление посевных площадей, общего объема сельскохозяйственного производства, рынка на продукты сельского хозяйства; шел рост урожайности и повышения доходности деревни. Этим и другим положительным сдвигам в области земледельческого производства способствовало «расширение нэпа» в 1925 г.

Однако, по мнению Н.Л. Рогалиной, вместо накопления в сельском хозяйстве материальных ценностей шел интенсивный отток их в промышленность, а это не только разрушало базу и стимулы земледельческого хозяйства, но и парализовало дальнейшие народнохозяйственные накопления. Политика цен на важнейшие сельскохозяйственные культуры не способствовала росту производительности и товарности. Если до войны крестьянин получал 70% цены ржи на внутреннем рынке и 75% пшеницы на внешнем, то в середине 20-х гг. всего 50%. По данным Конъюнктурного института при Наркомфине СССР, производителю доставалось 50–60% цены, уплаченной потребителем за хлеб [13, с. 17].

При рассмотрении итогов нэпа важное значение имеет анализ динамики национального дохода. По мнению С.Н. Лапиной и Н.Ф. Лелюхиной, при восстановлении народного хозяйства сохранялась его дооктябрьская производственная структура, но усилилась межотраслевая диспропорциональность. Показателем такой структуры является производство национального дохода по укрепленным отраслям. Так, в 1926/27 г. в производственном национальном доходе (по довоенным ценам) приходилось на сельское хозяйство (включая лесоводство и рыболовство) – 54,1%; промышленность (со строительством) – 30,5; транспорт и связь – 4,2; торговли – 11,2%. В 1913 г. соотношение этих отраслей было: 54,0, 28,0, 8,9, 8,3%.

Опубликованные Госпланом основные показатели развития народного хозяйства СССР (в расчете на душу населения) за 1913 и 1927/28 гг. свидетельствовали о том, что по одним параметрам дооктябрьский уровень был превышен, по другим, и весьма существенным, не доступен. В сельском хозяйстве превышение имелось по производству молочных продуктов (соответственно 189,0 и 206,3 кг) и маслосемян (18,0 и 22,2), снижение – по производству зерна (584,1 и 489,6 кг), хлопка (5,3 и 4,8 кг), льна (3,2 и 1,9 кг), сахарной свеклы (78,0 и 62,7 кг), яиц (93,1 и 66,5 шт.). В промышленности увеличилось производство хлопчатобумажной пряжи, соли, галош; уменьшилось – минерального топлива, чугуна, кирпича, шерстяных и льняных тканей, сахарного песка.

Состояние производства отражалось на уровне потребления. В стране ощущался дефицит многих промышленных товаров, их потребление сократилось. ВСНХ провел анализ потребления 21 товара, произведенного крупной промышленностью. В сопоставимых ценах 1925/26 г. стоимость такого потребительского набора (на душу населения) составляла в 1913 г. 47 руб. 23 коп., в 1925 г. – 25 руб. 65 коп., т.е. на душу населения предметов личного потребления приходилось в 1925/26 г. лишь немногим более половины того, сколько приходилось в довоенное время [14, с. 18].

М.М. Горинов, ссылаясь на расчеты Г.И. Ханина, показывающие, что национальный доход СССР в 1928 г. по сравнению с дореволюционным временем вырос не на 19%, как представлено в статистических справочниках, а был на 12–15% ниже уровня 1913 г., душевое же производство уменьшилось на 17–20%; производство чугуна составляло лишь 75% дореволюционного времени. Это свидетельствует о том, что хозяйственные успехи 1926/27 г. не являлись доказательством эффективности реконструкции народного хозяйства на базе нэпа. «Они возникли как результат использования последних резервов восстановительного периода (прежде всего возможностей эффективной загрузки имевшегося основного капитала, что позволяло на время «заморозить» программу промышленного развертывания, сжать масштабы эмиссии). Когда же резервы иссякли, появилась необходимость в принципиально иных путях социально-экономического развития. В этой связи вряд ли правомерно проведение прямых аналогий между хозяйственными затруднениями и путями выхода из них в 1922–1924, 1925–1926 и 1927–1928 гг., поскольку эти параллели не учитывают коренных различий между восстановительным и реконструктивным периодами [15, с. 35].

Динамика национального дохода в 1913–1928 гг., составленная в 1960-х гг. А.Н. Вайнштейном, не оспаривается современными подсчетами Г.И. Ханина [16, с. 68–72]. По расчетам А.Н. Вайнштейна, в 1928 г. реальный объем национального дохода составил не 119%, а около 90% к уровню 1913 г., так как в 1913–1928 гг. общий дефлятор цен вырос не на 60% (как утверждал Госплан), а примерно в два раза. Г.И. Ханин также доказывает, что в 1928 г. национальный доход был на 12% меньше чем в 1913 г., а душевое производство уменьшилось на 17–20% [17, с. 156].

Определенные успехи нэпа и его недолговечность породили дискуссию в литературе о причинах краха нэпа. Насколько крах нэпа был обусловлен его внутренними пороками или же обстоятельствами внешними и случайными?

Большинство авторов сравнительную недолговечность нэпа объясняют, с одной стороны, объектив-

ными трудностями в регулировании обмена между сельским хозяйством и промышленностью, с другой стороны – условиями внутрипартийной борьбы.

В то же время необходимо признать, что противоречия обострились все больше по мере выдвижения на первый план задач модернизации страны. Вероятно, именно учет противоречий модернизационного процесса в России стал причиной того, что в последних исследованиях получили конкретно-историческое обоснование преимущественно аналитические выводы о перспективах нэпа. Например, Н.Л. Роголина полагает, что нэп был изначально обречен, так как ущербность рынка с самого начала позволяла принимать экономические решения политическим путем во все возрастающей степени. В конце концов система нэпа омертвела в результате попыток планирования многоукладной экономики и полунатурального крестьянского хозяйства, приспособляя их к нуждам форсированной индустриализации [18, с. 142].

Ю.П. Бокарев провел математическое моделирование альтернативного для СССР пути экономического развития в 20-е гг., результаты которого показали, что от сохранения нэповской экономической системы СССР не выиграл бы. Более того, в конце десятилетия страна столкнулась бы с мощным экономическим кризисом, связанным с предельным использованием промышленных мощностей в условиях растущего товарного голода.

«Если сравнить темпы развития нэповской системы с динамикой роста капиталистической экономики, – отмечает Ю.П. Бокарев, – то окажется, что в случае победы сторонников либеральной народнохозяйственной политики экономическая отсталость СССР от западных стран не только сохранилась бы, но и возросла бы со временем. Получается, что плановая экономика была для СССР во благо, а рыночная – во вред» [19, с. 29].

Что касается рассмотрения нэповской экономики в сравнении с ведущими западными странами, то здесь, по выводам И.Б. Орлова, вырисовывается следующая картина. В конце 20-х гг. объем производства важнейших видов промышленной продукции в СССР был почти в три раза меньше, чем в западных развитых странах и в 10 раз меньше, чем в США. А по производству промышленной продукции на душу населения – в 5–10 раз меньше (по сравнению с США – в сотни раз). В последний год «полного нэпа» разница в выпуске продукции на душу населения в СССР и развитых капиталистических странах была такой же большой, как и в 1913 г. Удорожание продукции резко ограничивало возможность выхода на внешний рынок. В начале 1927 г. расхождение внутренних и внешних цен достигло угрожающих размеров: в Германии оптовые цены составляли 34%, в США – 39%, во Франции – 41%, в Англии – 47% от оптовых промышленных цен СССР. Почти полностью прекра-

тился импорт капиталов, тогда как в дореволюционной России иностранные капиталовложения в 1893–1913 гг. составляли 35–39% всех вложений в ценные бумаги; были утеряны и традиционные рынки русского экспорта [2, с. 159].

Более оптимистическую картину рисует Ю.П. Бокарев. Ссылаясь на опубликованные источники, он считает, что «...экономические преобразования во второй половине 20-х гг. были внушительными. Так, с 1925 по 1931 г. добыча каменного угля в СССР выросла на 215%, тогда как во Франции – только на 6%, а в остальных ведущих западных странах она упала: в Германии – на 11%, в Англии – на 12%, а в США – на 33%. Выплавка чугуна в СССР за тот же период увеличилась на 277%, тогда как во всех ведущих странах она упала: во Франции на 4%, в Германии – на 40%, а в США – на 49%. Валовой сбор пшеницы с 1925 по 1930 г. в СССР возрос на 26%, тогда как из ведущих западных стран только США превзошли эту цифру (28%), в Германии рост составил 18%, а в Англии и Франции наблюдалось уменьшение сбора на 20 и 30% соответственно. ...После существенного отставания от западных стран в 1917–1925 гг. СССР в 1926–1930 гг. сравнялся по накопленному уровню экономического роста с западными странами, а с 1931 г. уже заметно опережал рост экономики западных стран» [20, с. 607–639].

Если взять другой показатель, такой как ВВП, то в России он увеличился с 1925 г. в 2,2 раза, тогда как в Англии – только на 7,7%, в Германии – на 15,9%, а в США – на 6,9%. Среднегодовые темпы экономического развития России за тот же период составили 17,5%, намного опередив дореволюционные темпы экономического роста.

По данным Р. Дэвиса, в последний год нэпа, 1926/27 г., разница в выпуске продукции на душу населения в Советском Союзе и развитых индустриальных странах была такой же, как и в 1913 г. Подобно советской промышленности, французская и немецкая промышленность восстановили довоенный уровень к 1926/27 г. [4, с. 315].

По признанию М. Левина, «Россия вроде и восстановила после войны экономику, вроде и размахнулась, но... до уровня 1913 г. А к 1928 г. пришла с устаревшим оборудованием. Россия бежала от отсталости, но отсталость неумолимо гналась за ней» [10, с. 59].

Здесь необходимо отметить, что в методах восстановления экономики в России и в западных странах есть существенная разница: если западные страны восстанавливали свою экономику на основе развитых рыночных отношений, то Россия, пройдя горнило двух

революций и годы Гражданской войны, металась между рынком и планом, определяя, какая модель более подходит для социалистического строительства.

Таким образом, отвечая на вопрос: «Нарастало или сокращалось отставание СССР в годы нэпа?», можно ответить, что отставание «тревожно» нарастало. И причиной тому является не столько политический аспект, сколько экономический: в России преобладало мелкотоварное крестьянское хозяйство, неспособное в столь короткое время (годы нэпа) перейти на индустриальную основу. Для такого перехода требовались десятилетия.

Учитывая многообразие оценок итогов нэпа, важно подчеркнуть, что реальные процессы, происходившие в советской экономике в 20-е гг., не соответствовали ориентации страны на создание принципиально нового, социалистического строя. Во второй половине 20-х гг. это несоответствие стало опасным для власти. И партийно-хозяйственные верхи, и различные слои общества выражали неудовлетворенность ходом и результатами преобразований. Возникла острая необходимость в коренной реорганизации производственной (отраслевой) и технологической структуры экономики, выборе модели такой реорганизации.

В какой-то мере прав А.С. Сенявский, отмечая, что «...если В.И. Ленин стал идеологом поворота от политики “военного коммунизма” к нэпу, позволившему путем расширения частной инициативы и некоторых рыночных механизмов восстановить разрушенную мировой и гражданской войнами экономику, то Сталин в конце 1920-х гг. счел нэп тормозом дальнейшего развития страны. Он стал идеологом “консервативной модернизации”, которая вошла в историю под именем “курс на развернутое строительство социализма” – “социалистическую индустриализацию”, коллективизацию сельского хозяйства и “культурную революцию”» [11, с. 21].

В целом, оценивая итоги нэпа, следует отметить всю сложность и противоречивость 1920-х гг., что убедительно отражено в отечественной историографии. При всех спорных оценках о содержании и характере нэпа бесспорным можно назвать одно: в годы нэпа удалось максимально восстановить народное хозяйство в рамках сложившейся политической системы. Но на фоне быстро развивающихся мировых держав этот уровень был крайне недостаточным, требовались новые подходы модернизационного характера. К достижениям нэпа можно отнести и то, что он дал миру три элемента экономики будущего: государственное регулирование, смешанная экономика и планирование.

Библиографический список

1. Место нэпа в советской общественной системе / под ред. Ю.Б. Кочеврина. – М., 2002.
2. Орлов И.Б. Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. – М., 1998.
3. Лельчук В.С. Политика «большого скачка» (1928–1941 гг.) // Наше отечество (опыт политической истории). – М., 1991. – Т. 2.
4. Дэвис Р. Развитие советского общества в 20-е годы и проблема альтернативы // Россия в XX веке: историки мира спорят / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1994.
5. Правда. – 1927. – 18 окт.
6. Горинов М.М. Социально-экономическая ситуация второй половины 20-х годов и проблемы внутривластной борьбы // Историческое значение нэпа : сб. ст. – М., 1990.
7. Чернышова А.В. Механизм государственного управления деревней в условиях нэпа: проблемы функционирования. – М., 2005.
8. Дэвис Р. От царизма к нэпу // Вопросы истории. – 1992. – №8–9.
9. Кондратьев Н.Д. Экспорт сельскохозяйственных товаров СССР (Итоги и условия развития) // Пути сельского хозяйства. – 1927. – №10.
10. Левин М. Российские крестьяне и советская власть. Исследование коллективизации // Отечественная история. – 1994. – №4–5.
11. Сенявский А.С. Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты : сб. ст. – М., 2006.
12. Бокарев Ю.П. Нэп как самоорганизующая и саморазрушающая система // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты : сб. ст. – М., 2006.
13. Рогалина Н.Л. Нэп как реформа (аграрный аспект) // Нэп: завершающая стадия: соотношение экономики и политики : сб. ст. – М., 1998.
14. Лапина С.Н., Лелюхина Н.Ф. Советская экономика на завершающем этапе нэпа: тенденции и перспективы развития // Нэп: завершающая стадия: соотношение экономики и политики : сб. ст. – М., 1998.
15. Горинов М.М. Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. – 1990. – №11.
16. Ванштейн А.Л. Народный доход России и СССР. – М., 1969.
17. Ханин Г. Как скончался нэп: размышления экономиста // Родина. – 1989. – №7.
18. Рогалина Н.Л. Новая экономическая политика и крестьянство // Нэп: приобретения и потери : сб. ст. – М., 1994.
19. Бокарев Ю.П. Экономические преобразования в СССР во второй половине 20-х – начале 30-х годов и мировое социально-экономическое развитие // Нэп: завершающая стадия: соотношение экономики и политики : сб. ст. – М., 1998.
20. Народное хозяйство СССР : статистический справочник. – М., 1932.